

Ю Инань смотрел на всё ещё почти идеальное лицо Су Е, чувствуя, как кровь приливает к голове. Если бы он был чуть старше, вероятно, страдал бы гипертонией, как его мать.

Су Мэйфэнь почти весь день плакала в объятиях Ю Инаня, и он уже был готов отправить её воссоединиться с отцом в мире ином.

Ю Инань, конечно, не испытывал ни капли жалости или сострадания к Су Мэйфэнь, и его совершенно не волновали жизни Су Цайци и Ян Цунмэй. Единственное, что его беспокоило, — это то, что он потратил столько усилий на организацию этого спектакля и даже нанял няню для Су Цайци, но тот умер, так и не выполнив своей части сделки!

А эта ветреная Ян Цунмэй, которая так торопилась встретиться с любовником, даже не заметила, что Су Е спасся!

Поэтому Ю Инань, пока Су Мэйфэнь спала, специально отправился к старому дому, чтобы всё выяснить.

Мужчина средних лет, который тушил пожар той ночью, с тревогой вспоминал:

— К счастью, той ночью мои овцы сбежали, и кто-то сказал мне, что они побежали к старому дому, вот так я и обнаружил пожар...

В деревне побег овец из загона — не редкость, и ни этот мужчина, ни Ю Инань даже не подумали, что кто-то намеренно разрушил загон и выпустил овец...

Ю Инань был в ярости, не понимая, почему Су Е так везёт.

Если бы овцы не сбежали, как бы Су Е узнал о пожаре до того, как пламя поглотило бы весь дом? Как бы он успел выбраться через слуховое окно и спастись?

Да, той ночью Су Е вернулся в старый дом и, услышав крики мужчины о пожаре, притворился, что выбрался через слуховое окно, а затем помогал тушить огонь.

— К счастью, пожар был не слишком сильным, и мальчик услышал мои крики и успел выбраться, иначе этот деревянный дом сгорел бы быстро...

Мужчина продолжал говорить, но Ю Инань уже не хотел слушать. С яростью посмотрев на следы огня у основания дома, он ушёл.

Расследование дела Су Цайци прошло удивительно гладко. Поскольку Ян Цунмэй была простой деревенской женщиной, полицейские без труда выбили из неё признание.

Конечно, чтобы смягчить наказание, Ян Цунмэй старалась свалить всю вину на Цзя Нина.

— Товарищи полицейские, это Цзя Нин заставил меня убить мужа! Я всегда была честной и порядочной, это он ради денег подошёл ко мне и подстрекал меня, иначе у меня бы и в мыслях не было убивать!

Полицейский лишь с отвращением посмотрел на неё и холодно сказал:

— Убийство карается смертью, ждите суда!

Эти слова повергли Ян Цунмэй в отчаяние. Она плакала и кричала, что не хочет умирать и что она раскаивается, но никто не проявил к ней сострадания.

Цзя Нин, в отличие от Ян Цунмэй, оказался более сложным для допроса.

Видимо, с детства привыкший к улице, он обладал неплохой психологической устойчивостью. Даже перед лицом строгих полицейских он сохранял спокойствие, настаивая на том, что смерть Су Цайци не имеет к нему отношения, и что это Ян Цунмэй сама решила избавиться от мужа.

Он лишь хотел выманить у неё немного денег и даже не подозревал, что она убьёт мужа.

Мошенничество и подстрекательство к убийству — даже без знания законов ясно, что первое наказывается гораздо мягче.

Цзя Нин думал, что у полиции нет прямых доказательств его причастности к убийству, и уже начал радоваться, но, увидев двух женщин, которых ввели в комнату, его лицо изменилось.

— Ты, красавчик, всегда находишь подход к женщинам... — полицейский с сарказмом посмотрел на растерянное лицо Цзя Нина. — В Хэйлунцзяне ты соблазнил одну женщину, и вскоре её муж погиб в автокатастрофе; в Цинхае ты соблазнил другую, и её муж погиб на стройке; теперь ты здесь, в нашем городе...

Полицейский подошёл к Цзя Нину, и, если бы не закон, запрещающий пытки, он бы с удовольствием избил этого подонка.

Хэйлунцзян, Цинхай, их город — три совершенно разных места, и кто бы мог подумать, что эти три «несчастливых случая» связаны?

Цзя Нин специально выбирал отсталые регионы, где семьи были бедными, а полиция слабой, поэтому после каждого инцидента расследование заканчивалось выводом о несчастном случае, и никто не связывал их с «убийством ради денег».

Кто бы мог подумать, что кто-то ради нескольких тысяч юаней, а то и меньше, будет соблазнять замужних женщин и подстрекать их убивать своих мужей?!

Полицейский едва сдерживал гнев, ударив кулаком по столу перед Цзя Нином:

— Цзя Нин, ты думал, что расстояние в тысячи километров скроет твои преступления? Теперь эти две женщины признались, и мы даже связались с твоими кредиторами. Что ты ещё можешь сказать?

Действительно, две женщины, которых привели, были женами жертв тех двух убийств. Хотя они поняли, что их обманули, чтобы скрыть убийства, они отдали Цзя Нину все свои сбережения.

— О, если ты не знаешь законов, я любезно объясню тебе... — полицейский мысленно поблагодарил анонимного гражданина, предоставившего доказательства по этим трём делам, и продолжил:

— Подстрекательство к убийству также является умышленным убийством. Цзя Нин, на твоей совести три жизни, и смертной казни тебе не избежать.

Услышав это, Цзя Нин словно лишился жизни, погрузившись в отчаяние...

Это дело, охватившее несколько провинций, вызвало резонанс по всей стране. Цзя Нин, Ян

Цунмэй и две другие женщины были приговорены к смертной казни за умышленное убийство.

Семья Су стала объектом обсуждений среди деревенских жителей, и Ю Инань, который тоже стал объектом пересудов, каждый раз выходя из дома, чувствовал себя неловко и хотел как можно скорее получить авторские права на произведение «Daylight» или, после того как Су Е умрёт, избавиться от Су Мэйфэнь, чтобы не позориться вместе с ней.

— Мэйфэнь, не грусти, хоть твои родители погибли, но мои родители станут твоими! — Ю Инань, конечно, не выдавал своих планов, нежно обнимая Су Мэйфэнь и утешая её.

Нужно сказать, что эти слова подняли настроение Су Мэйфэнь.

Смерть Су Цайци и приговор Ян Цунмэй, конечно, ударили по Су Мэйфэнь, ведь это были её родители.

Но на самом деле её больше волновала её собственная судьба, чем горечь утраты.

Возможно, сначала Су Мэйфэнь действительно горевала из-за смерти отца и беспокоилась о матери, но вскоре её мысли заняло то, что теперь у неё не будет опоры и её некому будет содержать.

Теперь, когда Ю Инань дал ей такое обещание, о чём ей беспокоиться?

Су Цайци и Ян Цунмэй, бедные и ничем не примечательные родители, давно вызывали у Су Мэйфэнь презрение.

Ю Инань тоже это заметил.

Увидев, как глаза Су Мэйфэнь, опухшие от слёз, загорелись, он поспешил воспользоваться моментом:

— Мэйфэнь, разве тебе не кажется, что твоя мать поступила ужасно? Она ради другого мужчины убила твоего отца и даже хотела отдать деньги, которые он приготовил для твоего приданого, этому человеку!

Услышав это, Су Мэйфэнь вспыхнула гневом. Даже убийство отца матерью ради другого мужчины не вызвало у неё такой ярости.

— Да! Моя мать — ветреная женщина, ради другого мужчины она готова пожертвовать даже интересами родной дочери! — она с гневом кричала, полностью игнорируя тот факт, что эти деньги на самом деле предназначались Су Е.

— Поэтому, Мэйфэнь, я думаю, тебе лучше не беспокоиться о матери. Ведь ты скоро выйдешь замуж за меня, и мои родители уже считают тебя своей дочерью!

<http://bllate.org/book/16648/1525569>